

АГАТА ЛАВ

ВДОВЕЦ

Агата Лав

Вдовец

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68077703

Аннотация

Кирилл потерял себя после гибели жены. Он живет воспоминаниями и поисками ее убийцы. Эти поиски приводят его ко мне. Я как две капли воды похожа на его супругу. Он смотрит на меня и видит ее – свою любимую женщину... Любимую? Или ненавистную? Тайный и откровенный дневник жены открывает, что у неё был несчастный брак и любовная связь с лучшим другом Кирилла. Я оказываюсь в чужой роли и чужом любовном треугольнике...

Ранее книга публиковалась под псевдонимом Саша Слова и названием «Желание по принуждению».

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	50
Глава 7	58
Глава 8	65
Глава 9	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Агата Лав

Вдовец

Пролог

Я кричала?

Странно, я не помню... Хотя в ушах стоит звон, как после удушливой истерики. Или это давление? Или еще какой фокус организма в панике. Я же в панике? Я должна быть в панике!

Я в багажнике чужой машины, и у меня связаны руки... Кажется, связаны, я только очнулась и пока не разобралась. И тело едва слушается меня, будто сигнал мозга где-то застревает и не пробивается дальше. Посыл – осечка, посыл – осечка... Более-менее осознанно я могу дышать и различать приглушенное гудение автопотока, что подсказывает, что мы едем по трассе.

Сколько уже?

И сколько я провалялась без сознания?

Было без пятнадцати одиннадцать, а сейчас... сейчас... Часы! Черт, они наручные, а мои руки за спиной, я все-таки связана, вернее склеена, широкие полосы скотча четко ощущаются на запястьях и на лице. И вот это настоящее скотство, скотч зацепил волосы и каждое движение головой от-

дается резкой болью.

А двигаюсь я помимо воли, ведь машина поворачивает и подскакивает на неровностях дороги. Меня никак не отпускает... Он что-то вколол мне, я помню жжение над правым локтем, а потом вдруг навалилась невозможная усталость и я начала оседать вниз.

В его крепкие руки, он так ловко подхватил меня и упаковал в багажник внедорожника. Да, это был внедорожник, черный крузак с серебряными массивными деталями, их начищенный блеск ослепил меня и заставил прикрыть глаза. И я отключилась, так быстро, так... Я даже не успела посмотреть на номера машины, ничего не успела, лишь вывела тихим голосом «отпусти».

Он не отпустил.

Ему удалась банальная схема: поздний вечер, круглосуточный магазин и полупустая парковка. "Девушка, вам помочь?" Проклятые пакеты стали отличным предлогом. Пока я придумывала ответ, он протянул ладони и ухватился за ручки, и щедро ласково улыбнулся. Уличный фонарь бил ему в правый бок, и я разглядела лишь мешанину из теней вместо лица, но отметила, что он высокий и худощавый. И он уже двигался, пятась спиной и ухватившись за мои пакеты. Идиотская глупость, я сдалась и отпустила, позволив проводить меня до машины.

А там мой Акцент хамским маневров зажал тот самый внедорожник. Я начала возмущаться, не догадываясь, что

его владелец стоит рядом и сострадательно хмурится, а потом шагнула вперед, оставив незнакомого мужчину за спиной.

Второго шанса он ждать не стал. Он схватил меня и затолкал в свою машину.

Глава 1

– Ты очнулась?

Первые его слова после того, как он открывает дверцу багажника. А я мучительно не могу решить, что делать, шевелиться ли вообще?

– Я помогу тебе выбраться, – добавляет мужчина и по шорохам я понимаю, что он уже стоит вплотную. – Я вижу, что ты очнулась.

Вот и прикосновение, длинные цепкие пальцы обхватывают плечи и тянут назад. Я не сопротивляюсь и даже помогаю, все тело ноет от долгой поездки в критичной позе, и мне нужно распрямиться, вытянув ноги. И потом так чужие пальцы не впиваются в кожу. Ему не приходится прилагать усилия, и его прикосновения становятся невесомыми. Это как немой торг, я вдруг признаюсь себе, что согласна платить послушанием, лишь бы увеличить дистанцию между нами.

– Тут яркий свет...

Его предупреждение не поспевает за мной, я зажмуриваюсь, пытаюсь спрятаться от ослепляющей волны света. После темного багажника глаза всё воспринимают за мощный прожектор. И вслед за зрением теряется равновесие, я наваливаюсь на дверцу багажника и едва не соскальзываю на землю. Но мужчина подхватывает меня.

И больше не отпускает, решив донести меня. Он забирает

все жалкие миллиметры назад, и я оказываюсь в его руках, в чертовых тисках... Нет, господи, нет. Он теперь везде, вокруг меня, чужой запах, тепло, я чувствую, как вбираю его, как оно прилипает к одежде и подбирается к самой коже. Как становится душно и нестерпимо противно, а сверху кругами расходится его влажное горячее дыхание.

Не могу найти хоть немного сил, хоть крупицу, чтобы отодвинуться в сторону, чтобы не дышать чужим воздухом и не напиваться его присутствием. Как жадная пористая губка. Я чувствую его, через два слоя плотной одежды, словно ее нет, ничего нет... мне нечем защититься.

И нечем дышать.

– Саша!

Его возглас отдается эхом и заставляет резко распахнуть глаза. Я понимаю, что случилась перемотка, она забрала меня из одного места и бросила в другое. Но оставила его рядом. Мужчина стоит надо мной, склонившись и внимательно изучая мое лицо. Что там? Что не так? Он словно недоволен или озадачен... Да, сейчас он кажется таким сосредоточенным и холодным, что в нем едва можно заподозрить жизнь. Только в больших глазах тлеет огонек, и смотрит мужчина так остро и глубоко, что мне становится не по себе. Я инстинктивно отодвигают назад и понимаю, что сижу на деревянном стуле, спинка которого толстыми прутьями впивается в спину.

– Думаю, я не угадал с дозировкой, – спокойно произно-

сит незнакомец, отмечая мое движение и отступая на шаг.

Мне сразу становится легче.

– Ты тяжелее, чем выглядишь. Поэтому.

– Что?

Я могу говорить, мои мысли, наконец, получают звук. Да, он снял скотч, и с рук тоже, я больше не скована... Но силы он мне не вернул, я по-прежнему в густой дымке усталости.

– Голова кружится? – мужчина бросает вопрос и замирает.

Запоздалая мысль подсказывает, что я впервые отчетливо вижу его лицо. Большая комната мягко, но достаточно освещена, и я могу запомнить каждую черточку. Голубые глаза и темные волосы с взлохмаченной, сбитой наверх челкой, которая давно отросла, поэтому мужчина то и дело спасается резковатым жестом, откидывая густые волосы назад. Он делает это машинально, красивым и четким движением кисти. И он весь такой. Словно выверен и вычерчен, ни одной лишней детали или краски, на грани откровенной скупости.

И он несет спокойствие. Теперь, когда он стоит передо мной, не прячась в вечернем сумраке, меня окончательно отпускает недавняя истерика. Или, быть может, дело в тех самых дозировках, его лекарство вновь действует. Я не знаю, и, кажется, путаюсь в ощущениях, но мне нравится смотреть на его одежду, палитра которой зажата между серым и голубым. Хлопковая рубашка без воротника, заправленная в пижонские зауженные брюки, и строгое классическое паль-

то, которое следовало снять еще полмесяца назад, чтобы попасть в сезон.

Дорогое пальто...

Он богат, я теперь четко это вижу. Люксовая, пусть и измятая, одежда, что красуется не лейблами, а четкими линиями по фигуре и мягкой тканью, кричит о достатке, как и его здоровая кожа, осанка, уверенный взгляд... И здесь же прячется разгадка его лица, одновременно отталкивающего и притягательного. Не лучшие природные данные проигрывают силе, что идет из его глаз. Его невозможно не запомнить, оно врежется намертво и остается с тобой.

Намертво.

Волна страха все же накрывает, и я опускаю взгляд, хотя понимаю, что поздно. Он не прячет лица, ему плевать, что я вижу и запоминаю, что я могу кому-нибудь рассказать. Смогу же? Или он уверен, что нет?

– Вы знаете мое имя, – начинаю неуверенно, пытаюсь справиться с голосом. – Откуда?

Я коротко смотрю в его сторону и замечаю, что его взгляд направлен вверх моего плеча. Он избегает смотреть мне в лицо, будто ему достаточно лишь контура. Просто знать, где я нахожусь и всё.

– Да, нам нужно поговорить, – он тяжело выдыхает и вдруг отворачивается.

Пауза затягивается, и мне становится дурно от созерцания его спины. Что-то происходит, я чувствую, что что-то

происходит, он обдумывает и колеблется...

Решает.

Мне нужно успокоиться и придумать, что делать.

Что вообще можно сделать?

– Как вас зовут? – падаю голос, которого сама пугаюсь.

Но я заставляю его проснуться, он оборачивается и вновь смотрит поперх моего плеча.

– Кирилл.

Уже что-то. Он отвечает мне и выглядит адекватным.

– Под стулом фотографии, возьми их.

Его то ли просьба, то ли приказ застаёт меня врасплох, я не могу сообразить даже, что такое стул.

– Под стулом, Саша, – повторяет он. – Опустит руку и возьми фотографии.

– Что за фотографии?

– Я всё объясню, но словам обычно плохо верят. Поэтому тебе лучше увидеть.

Это какая-то игра? Проклятая больная игра... Я успеваю подумать, что согласна поверить на слово во что угодно, лишь бы не двигаться по его указке.

– Я не готовился к нашему разговору, и, вряд ли, есть верные слова, – мужчина замолкает на пару мгновений, словно все же ищет подходящие слова. – Тебе страшно, я знаю...

– Просто отпустите меня.

– Я не могу.

– Я никому не скажу. Честно...

Он кривится на мое фальшивое «честно», и я замолкаю.

– Там три девушки, я хочу, чтобы ты посмотрела на их лица.

– Я не хочу, – в моем голосе появляются слезы, – нет, пожалуйста...

– Хорошо, – он кивает пару раз как заведенный, – я сам покажу.

Спинка стула жалобно скрипит, когда я ввинчиваюсь в нее, чтобы отстраниться.

– Видишь? – произносит он, когда веером раскрывает три фотографии передо мной.

Как он и говорил, на них портреты трех девушек, которые с беззаботными счастливыми лицами смотрят на меня. И они выглядят смутно знакомо, но я не могу понять почему.

– Чего вы хотите от меня?

Я впервые осмеливаюсь посмотреть ему прямо в глаза. Но он отводит взгляд.

– Посмотри внимательно.

– Я не понимаю. Что вы...

– Прошу, Саша, – произносит он с нажимом. – Посмотри еще раз.

У меня кружится голова. Я не могу найти ни одну подходящую коробочку, в которую можно упаковать происходящее. И не знаю, что делать. Все тело сводит от напряжения, потому что я жду, что сейчас все станет намного хуже, а я не смогу ничего поделать.

Он нажимает и нажимает, забирая пространство, и я молю, чтобы осталась хотя бы небольшая полоска воздуха между нами, жалкий просвет... Чтобы он не подходил вплотную и не дотрагивался до меня больше, пусть остается как есть, и хорошо, пусть будет его просьба. Она по-настоящему пугает меня, но черт с ней. Если это его условие, то пусть.

Я все-таки смотрю на фотографии. И вдруг дожидаясь подсказки, он достает из кармана пальто сотовый и щелкает меня. А потом дает посмотреть на экран.

Четыре женских лица. На вид мы ровесницы, двадцать три – двадцать шесть. У одной девушки волосы собраны в высокий хвост, у других, как у меня, струятся вдоль лица, закрывая плечи. Мы все блондинки. Да, даже оттенок один, хотя у одной из нас видно отросшие черные корни. И наши глаза, они тоже похожи, открытый немного наивный взгляд, и пухлые губы...

Мы похожи как родные сестры. Почти как близняшки.
– Ты красива, как она.

Произносит мужчина невпопад и пугает меня пристальным взглядом. Он так тщательно рассматривает мои черты и смотрит с нежностью, которая совершенно не подходит моменту. Я дёргаюсь на нервах и он приходит в себя.

Просыпается от наваждения.

– Кто они? – задаю вопрос, возвращая нас к фотографиям.

Он переворачивает первую. И я рефлексивно вскакиваю на ноги, сваливая стул на пол.

– На остальных то же самое, – продолжает он, не шелохнувшись. – Они мертвы. Убиты.

На обратной стороне девушка с хвостом лежит на земле, она обнажена и едва прикрыта голубой клеенкой, что привозят с собой криминалисты.

Господи!

Что это...

Он болен?! Он...

– Не подходите ко мне! – я оглядываюсь в поисках чего-нибудь тяжелого, но все плоскости пусты, остается только стул, что лежит опрокинутый у ног.

– Ты зря встала, ты можешь отключиться в любой момент. Я же говорил, что напутал с дозой.

Он заглушает следующую фразу и возвращается взглядом ко мне, осматривая мою напряженную позу.

– На это тяжело смотреть, – он кивает и переворачивает фотографию, скрывая страшную сторону. – Я не хотел напугать тебя, просто хотел, чтобы ты понимала, что происходит. Вся серьезность... Он убил их, и он уже выбрал тебя следующей.

Что он несет?

– Ты меня слышишь? – мужчина нажимает голосом и ввинчивается холодным взглядом в мои глаза.

– Не подходите...

– Ты меня не слышишь, – он тяжело выдыхает и кивает сам себе. – Я говорю в пустоту. Ты паникуешь и тянешь вре-

мя, а еще ждешь удара. Ты не начнешь доверять мне, что бы я ни сказал. Это и не нужно, в любом случае я буду делать, что должен.

Я отчетливо слышу угрозу, и его голос даже меняется, железные нотки скребут прямо по нервам. Ему словно надоело говорить вкрадчивым тоном. Или он увидел, что показная мягкость не приносит нужного результата.

– То есть мои слова тоже ничего не стоят?

Он молчит, а потом делает красноречивый жест головой, завершая разговор.

– Тебе нужно отдохнуть, и мне тоже. Я устал, – он прикрывает глаза на мгновение. – Нам лучше подняться наверх, там спальни.

– Я никуда не пойду.

– Я не хочу нести тебя. А ты не хочешь, чтобы я дотрагивался до тебя.

Он не дает осмыслить последнюю фразу и резко приближается, а следом сжимает мою руку выше локтя. Я вздрагиваю от неожиданного и хозяйского прикосновения и выставляю свободную руку, чтобы не пропустить второй выпад.

– Тебе противно? – вдруг спрашивает он, с силой встряхивая меня. – Скажи честно.

– Да, черт возьми.

– Мне тоже. Ты намного слабее и это, как издеваться над ребенком.

– Тогда прекрати это!

– Прекратить? – он нервно усмехается. – Если бы я мог.

Глава 2

Бесконечный и необжитый дом.

Здесь словно забыли поселиться, четкий план на будущее сломался и то побежало по неожиданной тропе, оставив новый дом на обочине. И просторные комнаты теперь знают лишь выматывающую тишину. Мне от нее дурно, и я не могу придумать, чем заглушить ее. Мысли хуже всего, там тревога и подкатывающая паника, которую я чувствую, как тугие сужающие кольца. Они обнимают мою голову, шею, конечности и давят, давят...

Я в чужом доме.

Меня выкрали и заперли.

И я не знаю, что будет дальше.

А еще те ужасные фотографии!

И так по кругу. Пока я не вспомню, как дышать, и не перекину мостик к какой-нибудь мелочи. Например, припомню, что ела на завтрак, или как пререкалась с хамоватой продавщицей.

Так работает этот трюк. Пара минут размышлений ни о чем, и мне удастся чуть выдохнуть. А потом я смотрю на белые стены огромной спальни и жду, когда тревога вновь начнет сводить пальцы. Здесь больше нечем заняться, я проверила входную дверь и дверь в уборную – ничего.

А стеклопакет усилен, с улицы не доносится ни звука, и

разбить его невозможно. Да и опять-таки нечем. Кровать, единственный предмет мебели в комнате, хвастается литой спинкой из металла, и я не представляю, сколько нужно приложить силы, чтобы оторвать хоть один прут. Мужской силы не хватит.

Тем временем за окном светает, пока еще неуверенные всполохи из-под линии горизонта, но их достаточно, чтобы очертить окрестности. Вокруг природа, невысокие деревья и зеленые поля вперемешку с сухостоем. Я никогда не бывала в подобных местах, но видно, тут на несколько десятков километров разбежался элитный поселок, что укрылся от чужих и заодно соседских глаз. До следующего дома не докричаться, и только бетонная двухполосная дорога указывает направление. А, может, там и нет ничего, дороги иногда обрываются внезапно и без всяких предупреждений.

Внизу я вижу запущенную лужайку, бордюр вокруг которой снесен в трех местах. Кто-то прокатился на тяжелой машине, как душе угодно, а не как наметил дизайнерский проект. Крузак как раз стоит у самой границы, подперев передними колесами вырванный к черту бордюрный камень. И теперь я могу разглядеть номера, я прокручиваю их в голове снова и снова, а потом каждые пять минут устраиваю себе экзамен, сверяя цифры и буквы. Еще один трюк, от которого, впрочем, уже тошно.

И, самое главное, я жду, когда он придет.

Вчера я поддалась ему и поднялась наверх и вошла в ком-

нату. Он закрыл ее на ключ, пообещав отпереть утром, и ушел. Размеренные шаги простучали по коридору, пока не стихли после хлопка двери. Я решила, что он тоже остался на втором этаже, хотя я все же засыпала... отключалась, поддавшись усталости. Как выяснилось, из меня никакой часовой.

Но его возвращение я не упускаю.

Он, наконец, снял пальто, и я всматриваюсь в новые детали. Рукава рубашки небрежно закатаны, обнажая жилистые руки, а верхняя пара пуговиц расстегнута. И его руки умеют напирать, сковывая настоящей силой, когда он захочет. Я выучила неприятный урок вчера, хотя его телосложение, спрятанное под пальто, оставляло надежду. Нет, он силен, и к тому же быстрый и резкий.

– Тебе лучше? – он начинает с вопроса.

– А с каким днем сравнивать?

Страх вновь уходит, стоит появиться мужчине перед глазами. Я чувствую злость и раздражение, но от изматывающей тревоги, что рождала закрытая на замок дверь, не остается ни следа. Как в ужасниках, пугают шорохи и тени, еще больше собственные догадки, но, когда показывают монстра крупным планом, обычно испытываешь разочарование или отвращение, если декоратор проявил большую фантазию. Но страх уходит.

– Тебе лучше, – он отвечает за меня и проходит вглубь комнаты. – Я отослал сообщение твоей матери, чтобы она не

беспокоилась. И просмотрел историю, вы редко созваниваетесь, так что ее нервы мы уберем.

Удивительная забота.

– А работа? – я снова отмечаю, что он едва касается меня взглядом.

Он пристально и прямо смотрел мне в лицо лишь однажды, когда я очнулась на том стуле, но с тех пор он избегает меня. Если и смотрит, то на руки или корпус.

Я пытаюсь собрать воедино все фразы, что он сказал вчера. Он говорил о близком человеке, которого потерял. Наверное, одна из убитых девушек на фотографиях. Мы все похожи и он уверен, что меня ждет та же страшная судьба. Поэтому он выкрал меня? Хочет спасти? Но от кого... Серийного маньяка, у которого есть излюбленный женский типаж? Господи, что за глупости! Мы же не в кино...

Он просто болен. Бредит.

– Фриланс? – он хмурится, словно это не считается за работу. – Там привыкли к пропажам.

– Друзья? Парень?

– А он есть? Я не заметил. Друзьям я тоже что-нибудь напишу. Я уже уловил твой тон и стиль общения.

Он определенно выспался. Стал резче и жестче.

– Значит меня не хватятся, – киваю, едва сдерживая более нервную реакцию. – Ты к этому ведешь?

– Да. Полиция будет мешать.

– Мне нет, я вообще люблю полицейских.

Короткая усмешка окрашивает его сосредоточенное лицо, и оно оживает на мгновение.

– Я ждал истерики, если честно, – произносит он после паузы. – Препараты уже не действуют, прошло много часов...

Он по привычке замолкает на половине фразы и отвлекается на большое окно за спиной. Мужчина неспешно разворачивается и несколько секунд молча смотрит перед собой.

– Нам нужно найти общий язык.

Я не знаю, какой смысл он в это вкладывает, и поэтому молчу.

– Чего ты ждешь? – неожиданно резко спрашивает он.

– Я не понимаю...

– Шанса? Поэтому не плачешь, не теряешь самообладание и ведешь диалог со мной? Собрала все силы и выжидаешь момент?

– Я не...

– Да, Саша. И нам незачем тянуть. Держи.

И он плавным жестом протягивает мне ладонь, в которой лежат ключи.

– От машины, – подсказывает он. – Лучше шанса не будет.

– Там забор.

– Там ворота. Они открываются кнопкой, вот эта, синяя, – он перебирает связку пальцами и находит нужную кнопку. – Должно сработать.

Расстояние и, правда, оказывается не критичное, сигнал пробивается и заставляет коричневые панели ползти вверх

одну за другой, открывая выезд с участка.

– Тебя проводить? – он подхватывает мою ладонь и вкладывает в нее связку ключей, после чего с силой сжимает, заставляя крепко сцепить пальцы.

– Ты отпускаешь меня?

– Нет. Ничего не получится, я не просто так выбрал это место, из него очень сложно выбраться. Но ты можешь попытаться, я ничего не сделаю тебе. Я только хочу побыстрее покончить с этой глупостью, чтобы ты, наконец, начала слушать меня, а не ждать, когда я отвернусь.

Он убирает руку, и моя ладонь повисает в воздухе. Я чувствую гладкий пластик брелка и заостренные края металла... Ключ, чертов ключ у меня в руке.

– Беги!

Его злой крик оглушает меня и срывает последний ограничитель. Я поддаюсь простому инстинкту и резко разворачиваюсь, кидаюсь к раскрытой двери. Ведь я помню дорогу, помню весь путь от спальни к входной двери дома, его всего лишь нужно проделать в обратном порядке... Я ничего не вижу перед собой, не успеваю осмысливать, только вспышки-ориентиры, которые, к счастью, выводят меня на улицу.

Там действительно удивительно светло, как будто другой месяц по календарю. Подношу связку к лицу и пытаюсь найти нужный ключ. Когда мне, наконец, удастся зажать его между трясущимися пальцами, я нажимаю кнопку сигналки, но ничего не происходит, центральный замок не отщелкива-

ется. Я нажимаю снова и снова, вдавливая кнопку в корпус до хруста. Но нет, никакой реакции.

– Так не выйдет, – в спину ударяет его голос.

Я оборачиваюсь, вздрагивая всем телом, и вижу, как он неспешно приближается.

– Я дал тебе ключ от другой машины.

Он становится всё ближе.

– Не подходи, – качаю головой, словно его можно так легко отговорить, – нет...

Я отступаю от машины и понимаю, что мне ничего не остается. Я повторяюсь и вновь срываюсь с места, кидаясь к воротам. Там простор, та бетонная дорога, которая ведет неизвестно куда, и еще лес неподалеку. Хотя сейчас мне все равно, что там, это как граница, которую надо пересечь. Хотя бы попытаться... И я бегу вперед, к выходу. Бегу дальше и сворачиваю к обочине, чтобы спуститься с трассы. На открытой местности никаких шансов, но до линии деревьев так далеко, равнинное поле вдруг занимает весь горизонт.

Нужно бежать, просто бежать...

И не думать о погоне, которую уже слышно. Я различаю грубые шорохи и понимаю, что не ошиблась, когда оценивала его в комнате. Он действительно быстрый, или даже хуже, с ним невозможно соревноваться. Я слышу, как он набегает, как его шаги становятся громче и тяжелее. Они стучат прямо за спиной, и уже так близко, что я боюсь оборачиваться.

Нет, его нет, пусть его не будет!

– Хватит, – он касается моего локтя и тянет.

Мягко. И я вдруг понимаю, что уже давно не бегу, а едва плетусь вперед, упорно переставляя ногу за ногой. Я не могу остановиться, скорее свалюсь на землю, чем смогу стоять.

– Остановись, – в какой-то момент он выныривает передо мной и закрывает своим телом дорогу. – Достаточно.

Он даже не сбил дыхание, а у меня темно перед глазами. И я не понимаю, каким чудом еще стою на ногах. Хотя чудеса спрятаны в мужских руках, это он держит меня. Когда меня касается догадка, я вскидываю руки и следом ударяю его. Наотмашь, по лицу. И вскипевшая злость дарит мне авансы, я нахожу силы, чтобы ударить снова и снова. Уже по корпусу, потому что он отклоняется, чтобы уберечь лицо. Но не больше, он остается стоять передо мной и молча терпит удары.

– Достаточно?! – кричу я. – Теперь достаточно!

Глава 3

Я нахожу себя в доме, Кирилл донёс меня, пока я пыталась успокоиться. После истерики приходит затишье, я вымотана и чувствую себя так, словно мне дали дозу успокоительного.

Хотя это обычное безразличие. Он добился своего, я убедилась в невозможности побега и затихла.

– Чай должен быть здесь, – протягивает мужчина, смотря на полки.

На отделке кухни планы как раз сломались. Она стоит полусобранная, с шкафами без фасадов и пустыми отверстиями в каменной столешнице. Дорогая техника пылится в заводских картонках у дальней стены, там же стянуты тележки на колесиках, на которых стоят коробки поменьше. И целые россыпи дизайнерских буклетов – плитка, покраска стен, авторская мебель, витражи – кто-то просматривал их, странички смяты и надорваны, и кто-то выбирал, цветные стикеры выглядывают над корешками.

– Пусть будет черный, – отзываюсь я, когда зеленый чай не находится. – Неважно.

Я смотрю, как он надрывает упаковку крепкими пальцами.

– Здесь никто никогда не жил?

Он замирает на мгновение, будто ждал такого вопроса меньше всего, а потом коротко смотрит на меня. И вновь

поспешно останавливает простое движение, на этот раз его взгляд касается мочки моего уха. Но не выше, лица он по-прежнему избегает.

– Здесь ремонт, – отвечает он и ставит высокую кружку с чаем передо мной. – Еще много дел... не получается завершить.

– Дом твой?

– Да.

– Наверное, один из?

Кивает. И вновь молчит, с ним сложно вести светскую беседу ни о чем.

– И несколько машин, – добавляю я.

Я никак не могу уложить его образ и его действия. И деньги мне мешают больше всего. Какого черта, другими словами? Неужели, ему больше нечем заняться и приходится тратить часы на нервные взгляды незнакомой девушки. Я думала, большие деньги почти синоним разнообразия, а оно уж одарит увлекательным сценарием на любой вкус, даже на клинически больной. Или это новое то ли изощренное, то ли изысканное развлечение для закрытых клубов? Когда гольф окончательно приелся?

– Тойота не моя, – он протягивает руку и указывает на окно, что выходит на лужайку.

Да, машина, на которой он меня сюда привез, по-прежнему стоит под окнами. И, когда мы вновь возвращались в дом, я заметила съезд в подземный гараж, мужчина еще молча

кивнул, когда прочитал немой вопрос. Бежать с врученными ключами стоило туда.

И ведь он даже не обманул, он дал шанс, дал ключи, просто не уточнил от какой именно машины. Похоже он запрятал важный урок в пробежке сквозь дом и по полю, только я невнимательный зритель. Нечуткий... Мне нужны слова, а не ребусы, хотя, быть может, решение проще, чем кажется – он дал мне выдохнуть. Выкричать страх на ветер.

– Я одолжил ее, чтобы забрать тебя, – мужчина поддается мне и начинает строить предложения длиннее. – Нужна была неприметная.

– Она неприметная по-твоему?

– Из тех, что были под рукой, самая.

– Мой Акцент неприметный.

– Хорошо, я запомню, – он опускает взгляд на свою чашку, к которой не притронулся, и проваливается глубоко в себя.

А я вдруг понимаю, что мы говорим не о том, о чем следует.

– Значит ты спасаешь меня?

Мне страшно произносить прямые вещи, в голове сидит мысль, что он может быть обычным сумасшедшим и кто знает, где у него больное место.

– Тебе нужна защита.

– От убийцы?

Как по тонкому льду. Я слежу за его реакциями и разглядываю волевое лицо.

– Да.

– Как ты понял, что он выбрал меня?

– Типаж.

– Я не чернокожий альбинос.

Неудачная шутка. Он кривится.

– Объясни мне, – я нервно сглатываю, понимая, как рискую.

– Я долго искал его, научился думать как он, – мужчина на мгновение прикрывает глаза, отдаваясь своим образам, а потом продолжает. – Я смотрю на тебя, и понимаю, что он видит, что и как испытывает.

– Но ты не смотришь на меня.

Сорвалось. Я не собиралась касаться этого, не сейчас...

И он замирает, словно я ударила его наотмашь, а потом на ощупь делает шаг в сторону.

– Это сложно, – выдыхает он. – Слишком сложно, я оказался не готов.

– Кирилл, – я с трудом решаюсь произнести его имя, – послушай, тебе самому нужна помощь. Если ты говоришь правду...

– Я лгу, – он резкой вспышкой обрывает меня. – Я тут и там лгу, и мне уже тошно от этого. Черт! Здесь нет правды! Никогда не было!

Он рывком отталкивается и поворачивается ко мне лицом, и теперь воспаленный взгляд мужских глаз буквально режет меня. Вскрывает.

– Почему я не смотрю на тебя? – скребущая неприятная интонация ввинчивается в его голос. – Ты хочешь знать?

– Нет, это неважно.

– Потому что ты она. Одно лицо, – он надвигается, сжимая мои плечи, – даже глаза, живые, глубокие...

– Кирилл, прошу.

– Она смотрит из твоих глаз. Прямо сейчас смотрит. Что мне делать с этим? Скажи, что?!

И он грубо встряхивает меня, требуя ответ. Но я молчу, даже не стараясь прорвать слова через окаменевшее горло.

– Мне не нужна помощь, – он переходит на шепот, – я не прошу о помощи. Что мне нужно, того уже нет.

Злость отпускает его пальцы, он выдыхает, и я вижу, как приходит другая эмоция. Он продолжает смотреть на меня, вглядываясь в черты, которых только что избегал, и смягчается. Проглядывает то самое живое, сокровенное. И его взгляд опускается на мои губы, которые я нервно закусываю и инстинктивно дергаюсь прочь.

– Я поняла тебя. Да, я слышала...

– Я напугал тебя, – кивает он и делает паузу, за которой я отчетливо слышу немое «прости».

Но он пугает меня теперь, я понимаю, что он не может убрать руки с моего тела. Он держится за меня и неспешно подгибает под себя, миллиметр за миллиметром. Он будто сам не замечает, что делает, скованные судорогой холодные пальцы живут своей жизнью. И я чувствую их цепкое

прикосновение, они душат кожу и дарят секундную свободу, только чтобы захватить снова. Он переносит правую ладонь и дотрагивается до щеки, медленно проводит по коже, сдавленно выдыхая и приоткрывая рот.

Его взгляд туманится.

– Иди ко мне, – просьба на словах, но не в руках, которые неумолимо тянут меня. – Вернись ко мне.

Он дотрагивается губами до моих губ. Холодные и нежные, они приносят нервный поцелуй, который я пытаюсь прервать, отвернувшись.

Почему он такой сильный?! Зачем?

Мне удается чуть отстраниться, только когда Кирилл сам позволяет. Кажется, он вновь хочет видеть мое лицо и рождает дистанцию. И это даже хуже, его глаза по-прежнему пугают, он смотрит на меня, но видит что-то свое, то ли из прошлого, то ли из параллельной больной реальности. А мне не за что ухватиться, в ужасной комнате больше нет потолка, пола, я как немая кукла, которую достали из дорогой коробки и теперь не знают с какой фантазии начать.

– Где ты была? – произносит мужчина сдавленно и накрывает мое лицо ладонью.

Он невесомо проводит по коже и вспоминает силу, лишь когда касается подбородка, он грубо зажимает его между пальцами и заставляет меня поднять лицо выше.

– Мне больно, – признаюсь я, зажмурившись. – Кирилл, пожалуйста...

Я все-таки нащупываю его сомнение, он, наконец, замечает меня и замирает. И можно увидеть, как рушится его мир, приходит замешательство, а следом разочарование, такое яркое, осязаемое... Он пару секунд выглядит совершенно потерянным, а потом показывает на стул рядом.

– Сядь, – он бросает короткое указание и отворачивается к окну, пряча лицо.

Стул тяжелый, поэтому я сажусь рядом и неотрывно смотрю на мужской силуэт, напряженная поза которого не дает мне выдохнуть.

– Этого больше не повторится, – начинает он, но забывает добавить уверенности голосу, чтобы обещание звучало правдиво.

– Хорошо...

– Мне нужно прийти в себя. Да, время, – он кивает, вдруг найдя верный ответ, – нужно время... Ты пока останешься наверху.

– Ты опять запрешь меня наверху?

– Именно это я сказал.

Я чувствую его злость, она вспышкой прорезается сквозь усталость и заставляет его сорвать кухонное полотенце с крючка. Кирилл сжимает его в ладони и не может придумать, что делать с ним дальше. Он неотрывно смотрит на свои пальцы, которые сжимают ворс, и вновь уходит в себя, оставляя меня наедине с собственным дыханием. Больше ни звука в комнате, только беспокойные неровные волны, вдох-

ВЫДОХ, ВДОХ-ВЫДОХ.

– Ваши голоса тоже похожи, – произносит он после паузы.

Я не уточняю, но понимаю, что он говорит о жене. Он же поцеловал меня.

– Хотя она мало говорила... Она любила писать. У нее был личный дневник, который она прятала от меня. Я до сих пор не могу его найти. Как не пытался.

– Я не хочу наверх, Кирилл. Послушай меня...

– Это временно.

Глава 4

Дневник / 14 июня

Я запуталась, и я идиотка. Я живу чужой жизнью, жизнью мужа... Иногда мне кажется, что он везде. И, когда мы трахаемся, я все чаще думаю, что так хотя бы честно. Я и без влажных стонов в висок чувствую его постоянно, нет ни минуты без него.

Не могу больше.

Я хочу развод, но никак не наберусь смелости.

Хотя дело не только в смелости, мне нужно подготовиться, чтобы потом не бегать полоумной нищенкой по знакомым. Я знаю мужа, как нежного весельчака, но в бизнесе он другой. Есть, как минимум, двое бедолаг, которым он переломал хребет в финансовой плоскости. У них муж забрал все, просто прошелся тараном из сделок и судов и подмял под себя чужие активы. Он умеет быть жестоким, особенно если чувствует за собой право.

Поэтому я терплю.

Я боюсь его.

На прошлой неделе он сказал, что нам нужно завести детей. Его любимое бессмысленное «нам». Нет, это он созрел и теперь хочет детей. А я хочу отсосать его другу.

Мне смешно, я сейчас не могу сдержать нервный смех, потому что ЭТО моя жизнь. Вот к чему всё пришло, я хочу

почувствовать себя последней шлюхой, которая готова сама себя сервировать, чтобы ее грязно поимел другой. Муж знаком с... нет, здесь не будет имен. Просто N. Ведь в моей жизни нет места, чтобы спрятать дневник. Я до сих пор не знаю, куда его припрятать.

Кирилл все равно его найдет. Рано или поздно...

Милый, ты его нашел? Читаешь? Еще рано, я только фантазирую.

Я много фантазирую. И помогаю себе руками или твоим телом. Я думаю о нем, когда с тобой. И иногда мне хочется назвать тебя его именем. Специально, чтобы увидеть твое лицо без вечной улыбки.

Вы разные, и это хорошо. N сдержанный, молчаливый, с пронзительным взглядом, от которого мне было не по себе первое время. Мне и сейчас не по себе, но по совсем другой причине. И N всё видит, он не слепой и верно прочитал многое по моим глазам. Я стала задерживаться на его руках, смотрю на длинные с очерченными костяшками пальцы и представляю их на своем теле.

Он умеет ими пользоваться, по нему видно, от него исходит пронизывающий импульс из секса и силы. Опасный типаж, по которому обречены сходить с ума голодные дамы, вроде меня. Я даже иногда ловлю себя на мысли, что боюсь его... боюсь того, что он может сделать со мной. Я слишком много думаю о нем, перебирая в памяти последние дни.

Как N коснулся меня, когда помогал доставать коробки

из багажника. Как крепко обхватил ладонь, помогая подцепить ручку, и, играя в неуклюжего помощника, навалился сзади. Всего на мгновение, но я почувствовала тугое сильное тело, и теперь образы в голове стали ярче, почти наважде-ние, болезненное и тягучее. Он этого добивался? Играет со мной? Черт, я уже проигрываю. И он даже не представляет, насколько легкая добыча перед ним, меня можно просто по-манить пальцем.

Я так хочу, чтобы это был именно он. Друг Кирилла.

Хотя это всегда друзья – закон измены и жизни. Помню, как одна наивная знакомая хвалилась, что у нее прекрасные подруги и они никогда даже мысли не допустят и взгляда неосторожного не бросят. Ведь дружба – это святое. Да, свя-тое, и муж ее святой кусок дерьма, который никому не ну-жен. Вот и весь секрет исключительной честности подруг, конкуренции нет только там, где приходится скидываться на благотворительность.

А вокруг моего мужа толпа конкуренции.

И он, вряд ли, отказывает себе. Хотя тут он не подонок, и я ничего не вижу, до меня не доходят намеки или легкие звоночки, ничего... Но я прекрасно знаю, из каких он муж-чин, как он привык иметь всё, что ему нравится и ни в чем себе не отказывать. У нас умолчание благополучия, когда я догадываюсь, но делаю вид, что не в состоянии сплюсовать два и два. И не помню даже столь простую арифметику, как то, что он зависим от секса, а между нами осталась однооб-

разная чинная механика.

Оно и к лучшему, я всей душой благодарна девушкам из номеров отелей и уборных ресторанов, что они забирают его у меня, пусть ненадолго, но со всеми его аппетитами. Я бы доплатила каждой.

– Любишь недорогие духи?

Не хочу больше о муже. Спокойный голос N и его вопрос, это лучше. Как лекарство. Он интересно говорит и строит фразы не по шаблону. Я помню каждую фразу.

– Не играешь в роскошь? – N смотрит внимательно и то и дело соскальзывает к моим губам, но каждый раз запоздало вспоминает приличия. – Надоело? Или бунтуешь?

– Против кого мне бунтовать, – я усмехаюсь и пытаюсь поймать его взгляд.

Мне тесно и душно, и я едва заставляю себя следить за реальностью, потому что фантазии желаннее и насыщеннее, я хочу верить в них, я хочу быть в них. Я буквально вижу, как он делает шаг и нависает надо мной, как дотрагивается, тягуче проведя по бедру и собрав край платья...

– Хил, да? – он вновь возвращает меня в нашу столовую, где ничего не происходит, а только томится на пороге.

– Ты знаток духов?

– Женских.

Он позволяет себе легкую улыбку и делает тот самый шаг ко мне. Резко надвигается, что я рефлекторно подаюсь назад от неожиданности, но он чуть отклоняется в последний мо-

мент и ставит кружку с недопитым чаем на столешницу. В нескольких сантиметрах от меня, так что его ладонь почти касается моей руки.

– Чего ты хочешь? – вдруг спрашивает он и, наконец, смотрит мне прямо в глаза.

Они бездонные и манящие, я окунаюсь в них с головой и не могу ничего поделать. Меня как будто парализует, я смотрю на него, как замороженная, и просто-напросто жду, что он будет делать дальше. Что принесет этот неожиданный всплеск.

– То есть какие именно? – он поправляет себя, давая мне выдохнуть. – Я хочу подарить тебе.

– Это будет странно...

– Что именно?

– Нет повода, ни 8 марта, ни день рождения.

– Ты очень красива, это лучший повод. У тебя редкое лицо... прости, я не научился говорить изящно.

– Красивое и редкое, значит, – я помогаю ему и тихо улыбаюсь.

– И чужое.

N как приблизился, так и отдалился. И эти качели стоят мне слишком много сил.

– Ты вдруг вспомнил, – из меня вырывается досада, за которую мне через секунду стыдно.

– Я не забывал. Я в его доме с его женой, приехал по его просьбе и завез его вещи из офиса, – N разворачивается и об-

локачивается на столешницу рядом со мной. – Много «его», согласен.

– Можно попробовать построить фразу по-другому. Без повторений.

Я произношу слово за словом, на одном дыхании, и после поставленной точки сама пугаюсь подтексту.

– Поэтому Хил, надеешься перебить? – он расслабленно улыбается и отводит взгляд. – Только я пахну, как он, тот же ценник.

– А причём здесь ты?

Он смеется, впервые позволив себе яркую эмоцию, и вновь внимательно смотрит на меня. С ответом он не торопится, и мне едва удается удержать язык за зубами. Нестерпимо хочется бессвязными словами заштриховать свой же вопрос.

– Хорошо, Ольга, – он, наконец, отзывается спокойным голосом. – Значит, мне показалось.

Глава 5

Он хочет вновь запереть меня на втором этаже.

Господи, нет!

– Так не спасают, – произношу на выдохе. – Твои слова ничего не значат, когда ты творишь такое. Я боюсь, Кирилл, боюсь тебя, ты понимаешь? И мне не станет спокойнее в четырех стенах...

– Остановись.

Он приказывает холодным тоном и я осекаюсь. Я не понимаю, как с ним нужно разговаривать. Я вижу перед собой запутавшегося и упрямого мужчину, который уверен в своей правоте. Он не слышит меня... Может ли? Откуда мне знать, что происходит в его голове? Я стараюсь не вспоминать ужасные фотографии, которые он показал мне в первый день, иначе всё мое самообладание пойдет прахом.

Он ведь может оказаться кем угодно. Может обманывать меня и играть в свою игру.

– Я должна остановиться? – переспрашиваю я, заставляя его обернуться и посмотреть на меня. – А то что? Это угроза?

– Просьба.

– Просьба? Значит я могу послушаться?

Я поднимаюсь на ноги и смотрю на мужчину.

– Саша, – он слегка растягивает мое имя и качает головой.

– Мне не нужна твоя помощь. Я хочу домой.

Быстрый шаг в сторону не застает его врасплох, Кирилл реагирует молниеносно и вдруг оказывается рядом. Он преграждает мне путь, закрывая телом все вокруг, и так вновь случается душная близость. Внутри все обрывается, и жалобный голосок подает сигнал – «доигралась».

– Так не просят, – произношу я спокойнее, пытаюсь справиться с слабостью, которая впивается в тело и подсказывает самое простое – закрыться руками и начать клониться к полу. – Я больше не пойду на второй этаж.

– Ты уверена? Нам обоим станет сложнее.

– Зато честнее. Я слабее физически и нахожусь здесь против своей воли, а еще ты поцеловал меня и у тебя ключ от всех спален. Даже не знаю, где ты здесь нашел сложность для себя. Ты все отменно продумал.

Я запоздало понимаю, что провоцирую его. Специально и устав от подвешенного состояния. Словно хочу проверить, что стоят его слова. На что он способен...

– Хорошо, я покажу тебе, – он кивает через себя. – Я нашел дом, в котором он держал одну из девушек. Там были личные вещи...

Он делает шаг к лестнице, но останавливается.

– Я же могу оставить тебя одну?

– Все ключи у тебя, куда я денусь.

Ему не нравится мой ответ, но он уходит. И комната тут же оживает, я слышу прилипчивый шепот каждой двери и

закрытого ящика. Открой, толкни, найди... Если не выход, то хотя бы защиту. Что-то тяжелое, острое, ведь больше шанса может не быть. Или это проверка? И он стоит за углом, притаившись, и высматривает мои движения.

Слишком быстро, его отлучка занимает не больше минуты, так что я не успеваю уговорить себя на лишний выдох. Может, оно и к лучшему.

Он возвращается с другой стороны. Тихо открывается задняя дверь, которую не видно за выступом кухни, и уверенные шаги чертят дорожку в дом. Когда коридор, наконец, иссякает, я вижу перед собой незнакомого мужчину, и мое замешательство отражается эхом на его хмуром лице.

Я инстинктивно делаю шаг к нему и протягиваю руки.

– Вызовите полицию, – боюсь говорить громко и поэтому сбивчиво шепчу, – прошу вас, вызовите...

Меня обрывает сработавшая сигнализация. Со стороны ворот наплывает неприятная волна из коротких вскриков сирены и ритмичного мерцания. Я замечаю, как окна ненадолго окрашиваются в желтый оттенок, а потом снова и снова... Это аварийка, тот самый крузак, который я пыталась открыть неправильным ключом, кричит на всю округу и вспышками освещает двор перед домом.

– Он услышит, – произношу я, возвращаясь взглядом к вошедшему мужчине.

Тот, наконец, отходит от удивления.

– Где он? – спрашивает он, быстро оглядываясь по сторо-

нам. – Он в себе?

Я накрываю уши ладонями, чтобы приглушить крик сигнализации, и стараюсь не потерять мужчину из виду. Потому что он очнулся и задвигался, уверенно и быстро, и в каждом его жесте я читаю простой смысл – ему не надо объяснять ситуацию. Он всё знает.

– Оставайся здесь, – командует мужчина и направляется к входной двери.

Он собрался на улицу... Да, шаг, еще шаг, и злая решимость, что исказила его молодое лицо.

– Нет, нет, – качаю головой, как заведенная, и быстро обгоняю его, чтобы преградить путь, – не уходите! Дайте мне телефон, я прошу вас, я сама позвоню...

– Я поговорю с ним, и всё закончится, – произносит он с нажимом и в следующее мгновение оказывается рядом, и теперь я могу ощутить его напор всем телом, он сжимает мои плечи и грубым касанием заставляет замолкнуть. – Послушай, я его друг и знаю, как с ним нужно разговаривать.

Я вывожу усталым шепотом «нет» и не могу поверить в его слова. Замкнутый круг, я даже сейчас не различаю их, просьбы/приказы повторяются и мужские голоса звучат для меня хором, они буквально вторят друг другу, окутывая. И никто здесь не собирается слушать меня.

– Только не глупи, – добавляет он мягче, – не кричи или еще что-то... Сделаешь хуже.

– Вы на машине?

Я ловлю его ладонь, когда он почти проходит мимо, и вцепляюсь со всей силой. Да, силу я не жалею и вижу, как он болезненно морщится и первым делом опускает взгляд на мою хватку, словно не может поверить, что женские пальцы могут так зверски сжимать.

– Да, – он отвечает, чтобы отмахнуться.

И выдергивает руку, с его рывком я ничего поделывать не могу, успевая сдвинуть лишь воздух.

– Тогда уедем, просто уедем. Не нужно с ним разговаривать.

Сирена замолкает, и я понимаю, что Кирилл выключил сигнализацию и сейчас возвращается в дом.

– Помогите мне, – добавляю, пытаюсь удержать взгляд мужчины.

Незнакомец отводит глаза, смотря поверх моего плеча, а потом неожиданно меняет вектор. Он тянет меня к себе и быстро шагает к задней двери, к той самой, из-за которой появился.

– Хорошо, – выдыхает он, – но очень-очень быстро.

Он почти несет меня, он крупнее и выше Кирилла, и противиться ему бесполезно на уровне намерения. Но он идет, куда я прошу, он все же слышит меня. Я устало прикрываю глаза, когда мягкая ткань пиджака касается щеки. Мое лицо утыкается в его грудь, и я позволяю вести себя, как слепую, лишь бы прочь и «очень-очень быстро».

Компактный спортивный седан стоит за изгородью, там

узкая дорожка по плавной дуге уходит к задней части участка, которая никак не освещена. Я не знаю, что там, окна спальни выходили на другую сторону, но меня успокаивают уверенные движения мужчины. И краем глаза я зацепляю грязевые следы от протектора шин, что уводят как раз в темную гущу. Он приехал оттуда, где-то зацепив влажную почву.

– Саша!

Громогласный крик Кирилла заставляет вздрогнуть всем телом, я даже промахиваюсь мимо ручки дверцы и на секунду теряю всё вокруг. К счастью, его голос слышится из дома.

– Он услышит звук мотора, – бросаю, рывком забираясь в салон вслед за мужчиной.

– Услышит, – мужчина кивает и тяжело выдыхает. – К черту, я много раз пробовал по-другому.

Мы трогаемся, и мощь мотора уводит стремительно вперед. Участок вдруг сжимается и становится таким крошечным, недостаточным для разбега, а резкий поворот направо, который вдруг выхватывают фары из темноты, и вовсе не дружит с физикой.

Нет, не впишемся!

– Не бойся, – бросает мужчина, отвечая на мой всхлип.

Он родился в этой машине! Проходит на последних миллиметрах, ввинчиваясь на жуткой скорости в поворот и успевая нажать кнопку на брелке. Пластиковые ворота из горизонтальных полос ползут вверх, освобождая выезд с участка.

Они медлят, и мужчине все же приходится тронуть педаль тормоза, чтобы не чиркнуть по ним крышей спорткара.

Мы выезжаем с участка и оказываемся на общей дороге. И тут, на просторе, его машина может добавлять и добавлять, я даже боюсь смотреть на спидометр.

Тянусь к ремню и пристегиваюсь.

– Вроде тихо, – отмечает мужчина после десятого взгляда, кинутого на зеркала заднего вида. – Хотя рано или поздно он начнет звонить на сотовый, он поймет, что я приехал.

– У вас были ключи, – я припоминаю, что в дом незнакомец тоже вошел через запертую Кириллом дверь.

– Я близкий друг семьи.

– А ваше имя?

– Итан.

У меня нет сил удивляться, но он улавливает мое короткое движение головой.

– Мои родители давно живут в Европе и думали, что я сделаю тот же выбор.

– Саша.

Я поворачиваюсь и смотрю на мужчину. Недостаток света не дает разглядеть его внешность в деталях, но я припоминаю и дорисовываю. В доме он стоял прямо передо мной, тогда мне было не до цвета его глаз, но сейчас я понимаю, что многое запомнила безотчетно. Правильные красивые черты лица, которые так любят развороты с рекламой мужских духов и часов, карие глаза с теплым отблеском, тонкие губы и

вздохмаченные волосы, кажется, темно-русые... или он вообще шатен.

И он похож на Кирилла. Того же круга. Одет во всяком случае так же, светлая рубашка, от которой идет чарующий аромат свежести с сандаловыми нотками, и песочный костюм, свободный, неофициальный, но с ценником смокинга.

– Нам нужно где-нибудь остановиться.

– Я хочу домой, – признаюсь и вдруг вспышкой припоминаю другое свое желание. – Мне нужно позвонить родным, маме или... Где ваш телефон?

– Что вы скажите им?

Его голос становится вкрадчивым, пожалуй, даже осторожным.

– Простите? – я хмурюсь и чувствую, как воздух в салоне становится каменным.

– Что вы скажите родным?

– Что случилось, например.

– Давайте это обговорим, – он отрывает правую руку от руля, прося у меня короткий тайм-аут. – Я сейчас остановлюсь на обочине, и мы поговорим.

Я не хочу останавливаться, я хочу телефон и родной голос на том конце. Или голос диспетчера 112. Но я молча сижу в машине, которая плавно сворачивает с бетонного полотна и замирает. Итан тоже не двигается некоторое время, проснувшаяся осторожность мешает ему начать говорить.

– И? – не выдерживаю я.

– Нам стоит обсудить то, что произошло.

– Я не хочу сейчас ничего обсуждать. Не в машине на темной обочине.

– У Кирилла сейчас сложное время, – мой тяжелый выдох сбивает его, но он быстро собирается и продолжает давить мелодичным голосом с хрипотцой. – Он совершает странные поступки, я понимаю, недопустимые... Он, наверное, напугал вас.

– Напугал? Черт, вы серьезно?! Напугал, – я повторяю идиотское слово и закрываю лицо ладонями, заставляя себя успокоиться.

– Простите, – произносит он сдавленно.

Его слова задели меня, в горле стоит ком, а слезы подступают, и я с силой надавливаю ладонями, чтобы они не потекли по щекам.

– Простите за него, за всё. Я хочу всё уладить, чтобы вы вернулись домой и чтобы не было проблем... Поймите меня правильно, вы можете пойти в полицию, но он уладит это в любом случае. Заплатит... я сам заплачу за него, если будет нужно.

– Вы же близкий друг.

– Ему сейчас не нужны неприятности, – Итан пропускает мою шпильку и осторожно дотрагивается до плеча, словно хочет, чтобы я посмотрела в его сторону. – Саша, он поступил ужасно, но я даю гарантии, что он больше не появится в вашей жизни. Давайте забудем, что произошло.

Центральный замок непреклонен, и мое касание до ручки отзывается лишь глухим щелчком.

– Откройте дверь, – прошу я шепотом.

– Вам не стоит...

– Вы даже не спрашиваете, что именно он сделал, – я поворачиваю голову и смотрю ему в глаза. – Сколько продержал у себя? Вам плевать?

– Он не монстр.

– Он болен. Он показывал жуткие фотографии и говорил, что меня хотят убить.

Как мягкая волна, безбрежная, ласковая... Я опускаю лицо, чтобы спрятаться от его взгляда, потому что еще мгновение, и не справлюсь с собой и потянусь к нему. Он смотрит так участливо, будто и правда готов понять меня. Утешить.

– Столько бреда... Он бредит, Итан.

– Нет, это правда. Не во всем, но такое невозможно выдумать.

Я качаю головой, только прозвучавшие слова не хотят исчезать.

– Кирилл потерял жену, – добавляет он и даёт мне мгновение тишины на осмысление, – она стала первой жертвой.

Пауза. А потом он продолжает, словно не может сдержать слова.

– Ее нашли десятого октября... я на всю жизнь число запомнил, я тогда возил его в морг на опознание, – мужской голос наливается дрожью и начинает спотыкаться об слоги, –

сам не стал заходить, отсиделся в коридоре. Кирилл черным вышел... Нет, он не бредит, он просто не знает, как справиться.

Глава 6

Разговор приводит нас в тупик, и в такой глухой, что я боюсь настаивать, потому что боюсь почувствовать его решимость. Поэтому я молчу, а когда открываю рот, задаю пораженческий вопрос.

– Что вы предлагаете? – я провожу взглядом по столбику с цифрой «37», попутно отмечая что мы проехали много таких.

– Вас ищут? Или он придумал решение?

– Не знаю. Кирилл говорил, что писал маме с моего телефона, обещал, что она не будет беспокоиться.

– Хорошо, – Итан задумчиво кивает, и я буквально вижу, как крутятся его шестеренки, он что-то обдумывает и прилаживает, и не торопится говорить, пока собирает факты в свой план. – Уже первый час, нужно переночевать где-нибудь... Утром будет легче всё осмыслить.

Он хочет добавить еще фразу, но правильная формулировка, которая настырно ускользает от него, заставляет хмуриться и слепо смотреть перед собой.

– Я правда на нее похожа?

– Что?

– На супругу Кирилла?

– Да, – он медленно кивает и подчеркивает искренность ответа усталым выдохом, – я опешил, когда вошел и увидел

вас.

– Когда вы вошли, вы обратились ко мне на «ты», – припоминаю. – Да, точно... И тон был резче.

– Наверное.

– Вы чередуете, то приказываете, то просите.

– Я растерялся в комнате, а, если быть честнее, запаниковал.

– Так вы давите, когда паникуете?

Следом я вспоминаю всю охапку его указаний в первую минуту – не кричать, не глупить, оставаться на месте.

– Нет, я бегу, – он поворачивает голову и дожидается моей улыбки, после чего позволяет улыбнуться себе. – И я привык общаться с людьми на «вы».

– А я нет.

– Я сказал на «вы»? Я перепутал, дело обстоит точно наоборот.

Я отворачиваюсь к окну, чтобы он не заметил, как легко меня рассмешить. Мне впервые за последнее время становится спокойно. Вновь чувствую свое тело, нет той болезненной скованности, когда любое движение приходится прорывать сквозь невидимую бетонную преграду. Нет, я могу двигаться, отвечать, и в голове больше не сталкиваются десятки голосов, которые без устали спорят друг с другом.

Итан сидит рядом, и он, конечно, виновник. От него идет осязаемое тепло, которое незаметно, но верно убаюкивает меня. Мне спокойнее, мне легче, мне почти хорошо.

А, когда город встречает нас широким проспектом, я забываю подстраховочное «почти». Я узнаю улицы вокруг, с которыми связано столько воспоминаний и которые становятся по-настоящему родными именно сейчас, в эту секунду, когда их вдруг вернули назад. Они полустерты поздним часом, но приглушенного света фонарных столбов достаточно, чтобы угадать знакомые места.

И я запоздало понимаю, что то уютное спокойствие было сном, да, я все-таки заснула... Мне показалось, что я только моргнула, но куда тогда подевался пригород с заводскими трубами? Ведь мы уже в центре, в самой гуще из рекламных вывесок и дорожных указателей. И, самая главная радость, я вижу других людей. Полуночники у дверей круглосуточных заведений и вечные таксисты с желтыми огоньками, продавщица в цветочном ларьке, пара патрульных у машины...

Патрульные.

– Я отвечу.

– Что? – голос Итана заставляет меня отвлечься и перевести взгляд на него.

– Я сбрасывал его звонки, не хотел выслушивать все оскорбления сразу.

Он обреченно улыбается, а потом нажимает кнопку на экране и подносит телефон к лицу.

– Кирилл, – произносит Итан спокойным голосом, словно правда надеется, что собеседник возьмет с него пример.

Видимо, он выкрутил громкость динамика на минимум, я

не могу различить слова на том конце. Только шум, эмоциональный, но непонятный шум.

– Подожди, стоп, – Итан пытается вклинить в него и машинально отпускает руль, выставляя ладонь перед лобовым стеклом. – Черт, да выслушай меня! Она со мной, и она чертовски напугана... Нет, Кир, нет... Ты себя слышишь? Конечно, я не вооружен, зачем мне?... Ей ничего не грозит, хватит! Только если ты, потому что ты совсем съехал и не понимаешь, что творишь. Ты ломаешь собственную жизнь...

Итан резким движением опускает телефон и прижимает его к груди.

– Он ничего не хочет слышать, – выдыхает мужчина, – бесполезно.

– Я успела заметить.

Тут ко мне приходит неприятный вопрос – что тогда стоят гарантии Итана? Кириллу плевать на его слова, он верит только собственной паранойи, и так случилось, что, согласно ей, я должна сидеть на окраине города под десятью замками.

– Кирилл, – Итан возвращается к разговору, смягчая тон. – Ты в бешенстве, я уловил, и ты беспокоишься за девушку, хорошо. А теперь заткнись на мгновение, иначе я отключусь.

И он подвешивает звонкую паузу в воздухе.

– Ты хочешь всё исправить, – продолжает Итан, – переиграть эту проклятую жизнь... Я понимаю. Я закрывал глаза на твое расследование, когда ты копировал отчеты полиции

и рисовал круги на картах, каждый справляется по-своему, черт с ним. Но сейчас ты даже не заигрался, я не знаю, как это дерьмо назвать, но тебе явно нужна помощь... Нет, стоп, не начинай, этого я не говорил... Ты опять... Твою мать, Кир, полиция не может найти, а ты да! Я подключил все связи, там целый отдел днем и ночью сидит.

Итан шумно выдыхает, заставляя себя сбавить обороты.

– У тебя всё сходится, потому что тебе это нужно. Ты сам придумываешь ниточки, совпадения... Как ты нашел Сашу? Тупо самая похожая девушка?

Он умолкает, давая ответить Кириллу, и невозможно не заметить, как улетучивается его решимость. Итан качает головой, отмечая простым жестом каждое слово с той стороны, но начинает задумываться, замедляться.

– Ты так уверен?... Хорошо, докажи мне.

Слушая Итана, я вспоминаю, что Кирилл хотел мне что-то показать, как раз для этого он вышел из комнаты. Отлучился, подарив мне шанс сбежать.

– Так он сумасшедший или нет? – спрашиваю Итана, когда он убирает телефон в карман пиджака. – Ты забрал меня, потому что он не в себе, а теперь хочешь разговаривать с ним как с адекватным человеком. Кажется, я запуталась.

– Я не верю в его игру в Шерлока. Ни на секунду. Но он так убежден, повторяет твое имя через слово... С этим надо что-то делать, он ведь снова придет к тебе, снова заберет...

– Значит новая встреча?

– Тебе придется. Нет, Саша, послушай... Ты видела его дом? Ты же всё понимаешь. Кирилл богатый человек с временным помешательством. И сейчас он помешан на тебе, прости, но тебе придется находить с ним общий язык.

– Ты говорил другое, когда я садилась в машину.

– Я не отказываюсь, – в его голосе проскальзывает обида, – но я могу помочь только так. Увозить, прятать, перехватывать. Нанять тебе охрану, наконец. И, если ты действительно хочешь, я могу отвезти тебя в участок, но там я не помощник. Я не буду ничего говорить против друга, и меня не достанут никакой повесткой, да и не будет ее. Ничего не будет, Кирилл умеет улаживать неприятности лучше многих. Ты слышишь меня?

– Я слышу тебя.

– Чтобы вернуться к нормальной жизни, нужно убедить Кирилла, что он ошибся на твой счет.

Мне нужно выйти из машины. Я не произношу это вслух, но вдруг нащупываю простое и верное решение. Я постоянно на чужой территории и поэтому не могу ясно думать.

– Я хочу есть, – указываю на вывеску круглосуточного фаст-фуда, до которого остается пара кварталов. – Останови, пожалуйста.

Итан молча выполняет мою просьбу, хотя прочитывает в ней проверку. Это, конечно, не полицейский участок, но место людное.

– Хочешь в зал? – спрашивает он, заворачивая на тесную

парковку.

– Пойдешь со мной?

Он кивает и первым выбирается из салона, после чего замирает в ожидающей стойке и идет уже строго позади. И его можно спутать с бодигардом, высокий, крепкий, хотя есть один изъян – вместо кирпича у него красивое лицо. Я подхожу к стойке с экраном и делаю нехитрый заказ, который Итан дублирует, вплоть до размера порции кофе. После чего долго игнорирует появившуюся надпись «вставьте или поднесите карту», так что мне приходится касаться его плеча, чтобы пробудить.

– Ты напряжен.

– Да, – соглашается он, – сам не пойму...

– Это из-за меня или из-за Кирилла?

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе было спокойнее в машине. Кирилл все-таки убедил тебя насчет опасности? Или ты боишься, что я начну звать на помощь...

– Помогите!

Он вдруг кричит! И приковывает к нам внимание компании за дальним столиком и кассира в сером козырьке, а потом поднимает голову и обводит зал со злой усмешкой. Повисает неуютное молчание, которое Итан завершает жестом – он дотрагивается указательным пальцем до виска и пожимает плечами.

– Стало легче? – спрашиваю с издевкой, когда Итан воз-

вращается взглядом ко мне.

– Всем вокруг плевать... Но ты права, я сам не замечаю, как подыгрываю ему, продолжаю сумасшествие с похищением, – он нащупывает внутренний карман пиджака и достает телефон. – Возьми, пусть будет у тебя.

Итан называет пароль от экрана блокировки и уходит за заказом, наш номер как раз загорается над длинной стойкой. Неожиданно я остаюсь наедине с собой, он даже не смотрит в мою сторону. А я нервно кручу в ладони черный айфон, раздумывая, как лучше применить столь щедрый подарок. Итан так быстро проделал фокус, что я опешила.

Ему все равно? Я могу сообщить, о чем угодно? Даже о Кирилле и похищении?

Но кому? Чтобы не сделать хуже.

Глава 7

Я вбиваю четыре цифры пароля. И внутри царапает неприятное чувство, подозрительная часть меня ждет, что ничего не получится, что таких наивных дурочек еще поискать... но Итан не соврал, и мне становится неудобно за свои сомнения. Да, он друг Кирилла, но не он же придумал похищать девушку в пятничный вечер и везти ее, обездвигив, загород.

Я трачу пару минут, чтобы вспомнить номер подруги.

– Кассир решил, что я пьян, – бросает Итан, ставя поднос на столик.

Он коротко смотрит на экран сотового, где горит окошко мессенджера, а потом молча садится напротив. Но он все равно мешает собраться с мыслями, отвлекая одним дыханием, а я так не хочу вываливать на подругу неконтролируемый поток из десятка предложений. Надо точно и по делу, правильно использовать ситуацию...

Ведь Итан не придумывает насчет Кирилла, с ним придется считаться. Какой бы бред он не нес, надо попытаться всё уладить мирно и лучше этой ночью. Мне только нужна страховка на случай, если ситуация выйдет из-под контроля.

– Не знаешь, что писать? – Итан замечает мои сомнения, которые не дают набрать текст.

– Минутку.

Он картинно поднимает руки перед собой и отклоняется назад, облокотившись на спинку стула. Ко мне же, наконец, приходят фразы. Я пишу, что «познакомилась с классным парнем и уже ночь, а мы сидим в Маке у химчистки... Всё ок, на маньяка не похож, но позвони мне утром на этот номер, я свой где-то забыла».

Что придумала, то придумала.

Я указала адрес, подруга хорошо знает это место, и останется время отправки сообщения, уже неплохо. Она забеспокоится, если я не отвечу утром. Отправляю сообщение, а потом удаляю его и убираю телефон в карман. Смотрю на Итана, который успел надкусить бургер и отбросить его в сторону.

– Не ешь такое? – спрашиваю, раскрывая свою упаковку.

– Я не настолько голоден.

– А я в самый раз.

– Это хорошо, значит ты успокоилась, – он обхватывает длинными пальцами стаканчик с кофе, и я в который раз замечаю, как привычные вещи в мужских руках смотрятся иначе, меньше, уязвимее. – Кирилл кстати отлично готовит.

Он сам смеется тому, как причудливо в его голове цепляются друг за друга темы для разговора, и опускает голову, собирая ладонью густые волосы.

– Нет, правда, он любит итальянскую кухню и многое умеет. Я сперва не верил, думал он с доставкой из ресторана мухлюет.

– Интересно, – я растягиваю слово, а потом все же говорю, что пришло в голову на самом деле. – Хочешь напомнить, что он обычный человек? Со своими привычками и хорошими сторонами.

– Вроде того. Ты знаешь одного Кирилла, я другого, и я тоже не хотел бы знакомиться с твоей версией, – Итан кивает и безотчетным движением перебирает пакетики с сахаром. – Мне до сих пор не верится, что он сделал... С парковки, да?

Киваю.

– Его жена пропала с парковки.

Я убираю сахар прочь, шорох бумаги начинает скрести прямо по нервам.

– Черт, я боялся, что он начнет спускать деньги без счета. Знаешь, частные детективы, экстрасенсы, взятки, много кто готов поживиться на чужом горе... А он придумал еще хуже. Хотя я ждал плохого, если честно, мы мало общались в последнее время, он перестал звонить, писать, и лишь иногда отвечал. Да и то, чтобы я не начал серьезно беспокоиться и проситься в гости. Я как-то поспрашивал, кто из знакомых когда его в последний раз видел, и понял, что он оборвал контакты со всеми.

– Может новые появились?

– Я надеялся. Есть же всякие группы поддержки, не знаю, форумы родственников... Но он нашел тебя.

– Он толком не объяснил, как именно.

Итан поднимает на меня взгляд, и я читаю в нем немой

вопрос – ты правда ждешь логического объяснения?

– Ему нужно дать выговориться, – произношу я с сомнением, с которым ничего не могу поделать, – и позадавать вопросы. Может, он сам увидит слабые стороны, засомневается... А, если нет, то тогда полиция, другого выхода я не вижу.

– Да, его можно убедить. Еще не поздно.

– Позвони ему, я готова разговаривать здесь.

В людном месте под камерами видеонаблюдения я смогу говорить ровно и чувствовать себя хоть немного в безопасности.

Так что здесь, и точка. Если разговора не избежать, то хотя бы место буду выбирать я. А никак в прошлый раз: вот стул, вот спальня, а вот неврозы незнакомого мужчины.

– Кирилл выбрал не ту девушку, – Итан задумчиво смотрит сквозь меня, свыкаясь с новым планом. – Ты справишься лучше меня... думаешь яснее, это уж точно.

Я протягиваю ему телефон, и Итан принимает его небрежно, захватывая мои пальцы.

Их разговор выходит коротким и скомканным. Итан не дает Кириллу говорить и давит жесткими условиями из места, времени и отсутствия другой перспективы, а, когда тот начинает протестовать, отключается.

– Он приедет, – Итан протягивает мне телефон обратно, – у него уже и голос другой.

– Какой?

– Потерянный. Он извелся, это слышно.

Итан вспоминает о стаканчике остывшего кофе и делает небольшой глоток, и по лицу становится ясно, что кофе тоже оставляет желать лучшего. Но он продолжает пить.

– Мне кажется, он потерял разницу.

– Ты говоришь загадками.

– Прости, я для себя не могу толком объяснить... Кирилл как будто не понимает, что ты не она. Не Ольга.

– Ольга?

– Его супруга. Он в панике сейчас, и самой настоящей, так переживают за родных.

– Поняла, – я киваю, прикрывая глаза. – Он уже пугал меня этим, ее имени не произносил, но вдруг посмотрел по-другому и потянулся ко мне, поцеловал в губы...

Я замолкаю, чтобы не начать вспоминать. Ничего страшного не произошло, но все равно не по себе.

– И всё? – с явной тревогой спрашивает Итан. – Больше ничего?

– Он же не монстр.

Итан кивает с усмешкой на знакомый ответ, который я ему возвращаю, и долго смотрит мне в глаза. У него тихий и спокойный взгляд, без суеты или оголенного нерва, так что в него легко провалиться с головой и даже не почувствовать падения.

Так падали очень многие, если вообще есть число, а не безнадежный знак бесконечности, ведь чарующая мягкость

сладко зовет. Я буквально читаю отражения женской беспечности в его карих выразительных глазах. И он давно разучился смущаться и переживать за впечатление, которое оставляет. Ведь это впечатление одно и то же, безотказно раз за разом.

– Вы давно знакомы с Кириллом? – я все же пытаюсь вернуться к нашей беседе.

– С института, у нас родители из одного города. Мы с ним в школьные годы иногда пересекались, а дружить начали в институте.

– Ты хороший друг.

– Нет, – он вдруг вспыхивает, неприятный смех искривляет его лицо, и Итан с трудом заставляя себя успокоиться, – я дерьмовый друг. Просто чувство вины догнало.

– Не поделили бизнес?

– Женщину.

Пауза.

– Он не знает, но я спал с Ольгой, – Итан нервно ведет плечами, как будто ему не плевать на мое осуждение и как будто я обязательно должна его почувствовать. – Просто так, потому что мог. Я давно хотел кому-нибудь рассказать... ему почти рассказал после похорон, заткнулся, когда увидел, что он наливает себе третий стакан воды подряд. То есть берет стакан, ставит на стол, наливает до половины и забывает о нем. И так снова... И снова.

Он хотел рассказать.

Но зачем? Зачем мне это?

Я буквально вижу, как двое мужчин стоят в гостиной или посреди кухни и тяжело молчат... Быть может, хорошо, что Итан промолчал, ведь Кирилл мог отреагировать жестокой вспышкой. Винтик безумия мог крутануться еще тогда, с треском или, наоборот, сразу с разгоном и до упора... Быть может, ему не понадобилось бы расследование и поиски похожих девушек, потому что вся ярость досталась бы Итану.

– Была злость на него и ревность что ли, – вполголоса продолжает Итан, неотрывно смотря на свои ладони, которые лежат на столе, – что он забрал всё горе себе.

– Он же муж.

– Да, я понимаю. Но я тоже потерял близкого человека, а приходилось врать, утешать его... дозировать свою скорбь, – он снова не сдерживает злой смех, – чтобы не возникли вопросы. Я уехал на неделю вскоре, сказал, что по делам. Отключил телефон и не просыхал, только аэропорт и помню.

– Мне жаль, Итан.

– Уже отпустило, слава богу. Или она не успела свести меня с ума, как его.

Глава 8

Дневник / 17 июня

Я получила смс с незнакомого номера. Там адрес, день и вечернее время. Вплоть до минуты. 23.16

Это Н.

У меня дрожат руки, а по телу гуляет шторм, мне страшно и хорошо одновременно. Я решила на встречу... нет, не так, я раздумывала пару минут, а потом гоняла мысли по кругу для приличия. Я бы поехала в любом случае, даже если бы извела себя доводами, начинающимися с «унизительно» и «опрометчиво». Плевать.

Я не сомневалась, от кого сообщение и что это первый реальный шаг. Ни намеки, ни легкий флирт, а приглашение в номер. И это только больше заводило.

Пришлось ехать на выставку в откровенном платье. Нет, я не дура с распродажной скидкой на тело, чтобы носить глубокое декольте или мини, но с моей фигурой любое атласное платье смотрится чертовски откровенно.

Я сказала мужу о выставке, которая плавно перетечет в закрытую вечеринку для своих, поэтому ждать меня рано не стоит. Он и не думал, он любит свои мероприятия до утра больше меня, черт, он их безумно любит, никогда не устает и может благодушно улыбаться несколько часов подряд. И всем подряд. Мне иногда даже интересно, когда его уже нач-

нет тошнить. Я не выдерживаю и часа, и всё реже составляю ему компанию.

И проклятая выставка не становится исключением: душно, скучно, стрелки на часах замирают. И мне приходится уворачиваться от вспышек приятеля-фотографа, который плохо понимает слово "нет".

К счастью, меня немного развлекают острые взгляды местных бабочек, которые оценивающе смотрят в мою сторону. Девушки потирают руки, глядя как я оделась на картинную выставку. Видно, в их глазах, я в отчаянии и кризисе, что-то из бабской классики – муж охладел, так хоть жадными взглядами чужаков подпитаться. И они уже начинают строить планы и тихо ненавидеть друг друга, на горизонте замаячил перспективный мужик, а тут столько желающих.

Дурацкое развлечение, в общем.

Я собираюсь на выход, когда отбываю положенный срок. Время как раз подходит. Не верится, что я устояла и не стала изводить себя, думая о том, что скоро случится. Как именно случится... Я нарисовала слишком много картин за последние дни, и эти картины одна грязнее другой, я и забыла, как далеко умею заходить.

Как я люблю это.

Спускаюсь по лестнице, чтобы поймать такси, и пытаюсь удержаться мыслями на границе. Но ничего не выходит, фокус предательски расплывается. Я в деталях представляю лицо мужа.

Мне интересно, что будет с его свежим ухоженным лицом, когда он узнает?

Ловлю желтый фирменный седан и оказываюсь в нем после взмаха руки. Произношу водителю адрес... Это последнее несмазанное воспоминание. Потом же случается стук, кто-то грубо бьет по капоту, еще секунда и открывается задняя дверь.

Н. Он вдруг оказывается рядом.

– Здравствуй, Ольга.

Он садится и, не отрывая от меня жадного взгляда, подает водителю знак ладонью. Мужская раскрытая ладонь опускается вниз, но уже не на сиденье, а на мое колено. Н резко рвет дистанцию и нависает, уткнувшись грудью в мое оголенное плечо.

– Я не ошибся, – произносит он с хитрой улыбкой. – Я никогда не ошибаюсь.

Мне жарко от него, и он плавно выдыхает, касаясь моих волос. Стоит поднять лицо и можно почувствовать его дыхание на щеках.

– Я ждал в кафе напротив, долго... У тебя сумасшедшая выдержка, я уже хотел идти и брать тебя под руку.

– Ты сам назначил время, – я, наконец, нащупываю свой голос, – до минуты.

– И ты наплевала на него, – он улыбается еще шире и закусывает нижнюю губу, когда опускает взгляд ниже. – Тебе нельзя носить такое, я чувствую себя животным.

– Это плохо?

Я чувствую его поцелуй на волосах, хотя это даже не поцелуй. Он дразнит и забирает последние сантиметры, касаясь моего виска. Слишком невинно, мало. Черт возьми, сукин сын издевается... И я запрокидываю голову сама, чтобы уже почувствовать его горячие губы, с которых слетают все эти слова, от которых мне только жарче и теснее. И еще его пьяная расслабленная интонация, будь она проклята!

– Ольга, ты...

– Заткнись.

Он подхватывает мое движение и впивается в губы, забывая весь недавний торг. И я верю, что он извелся в том кафе, он буквально врывается в меня, так жадно, неистово... Я ничего не могу сообразить, проваливаюсь в тягучую сладость мужских прикосновений и плавлюсь.

Всего лишь поцелуй. Первое касание.

– У тебя нежные губы, – его взгляд плывет, не в силах сфокусироваться, – и это точно плохо.

– Почему?

– Не смогу остановиться, я уже чувствую... Не отпущу.

Теперь глубже и медленнее, я закрываю глаза, представляя, как его губы скоро перетекут ниже.

– Что ты сказала ему? – Н выдыхает вопрос мне в рот, отодвигаясь всего на миллиметр.

– Что?

– Что ты сказала мужу?

– Я не хочу говорить о нем.

– Уверена? – он вновь целует, нежно касаясь языком, и тут же отстраняется. – Я думал, игра в этом.

Он говорит «игра», а я отчетливо слышу «весь кайф». Весь кайф в этом?

– Хочешь трахнуть его жену? – произношу с усмешкой.

– Хочу много и долго трахать его жену.

Я прячу покрасневшее лицо ему в плечо. Моя алая помада останется на его белой рубашке, даже не надо проверять, так и будет. Оставляю свой отпечаток и вбираю его запах. Он идеален, запах в мужчине – самое главное и сексуальное, и вот он идеален. Из-за него туман в голове только сгущается, и меня можно сейчас уговорить на любое безумие. Я абсолютно пьяна им.

– Я вся мокрая.

– Вся? – N повторяет мою недавнюю усмешку и подгибает под себя.

Я за мгновение оказываюсь у противоположной двери, и он теперь давит сверху, а его рука... Я пытаюсь поймать ее, хотя хочу ощутить касание, да, хочу, и поэтому плохо стараюсь, безвольно проскальзываю пальцами по его локтю и позволяю ему.

– Сумасшествие, – сдавленным голосом говорит N, находя кружевную ткань белья, – ты чистое сумасшествие...

Глава 9

Я пересаживаюсь на другую сторону. Устраиваюсь рядом с Итаном и жду Кирилла, который должен скоро появиться. Итан чувствует, как нарастает моя нервозность с каждой минутой, и произносит пустые мелочи, чтобы отвлечь меня. Он мягко улыбается и я на мгновение забываю, почему сжимаю край стола. Дешевый пластик скоро не выдержит и пойдет на излом.

Скоро...

Я замечаю Его на пороге, Кирилл как раз поворачивает голову в правильную сторону и находит наш столик. Наши глаза встречаются, и он замирает на месте, так что стеклянная дверь с доводчиком подпирает его сзади. Но он не реагирует на толчок и продолжает неотрывно смотреть на меня.

Я же отмечаю, что он выглядит иначе, хотя вновь закутан в серо-голубое пальто. Уставший, заторможенный... Он не сразу вспоминает, что надо двигаться. Его приводит в чувства Итан, когда встает со стула и делает шаг навстречу, чтобы привлечь внимание.

– Кирилл, – вполголоса зовет Итан, поднимая ладонь.

Кирилл приближается, и я вдруг вижу, что его руки не пусты. Он сжимает черную папку, которая набита бумагами. Или фотографиями. Нет, пожалуйста, только не ими!

Кирилл молча садится напротив и кладет папку на стол,

под правую ладонь, а потом переводит тяжелый взгляд на Итана.

– Ты зря вмешался, – произносит Кирилл холодно, – и я хотел бы получить все ключи назад.

– Ничего важнее сейчас нет? – Итан хмурится и едва скрывает раздражение.

– Ключи, Итан.

– Они в машине...

– Проверь карманы, ты всегда носишь ключи с собой.

Итан качает головой, не веря в происходящее, но тянется к карману пиджака. Угадывает нужный карман с первой же попытки и протягивает связку с электронным брелком через стол.

– Спасибо, – Кирилл кивает. – Теперь к делу.

Он замолкает и вдруг смотрит на мое лицо. Кирилл сбивает меня с толку, но потом я понимаю, что он показывает, что готов слушать.

Слушать!

Я едва удерживаю злые слова на языке, хотя безумно хочется сообщить, что из него дерьмовый эмпат, который опаздывает на автобусную остановку. Я хотела говорить в его доме, чтобы не быть пустым силуэтом, к которому можно приладить любую роль и любой фетиш. Я хотела достучаться и крикнуть о себе, что я живая! Или хотя бы прошептать... Но теперь, за столиком полупустого кафе, я хочу слушать сама.

– Я почти набрал Артема, – наконец, выдыхает Кирилл, и

следом кривится, словно сказал не то, что следовало.

– Но, к счастью, одумался, – отвечает Итан, подаваясь вперед навстречу другу.

– Кто это?

Итан поворачивает голову на мой вопрос.

– Старый приятель, который знает кучу крепких ребят без мук совести. Или у него уже всё официально?

– Официально, – кивает Кирилл. – И черная военизированная форма, как полагается.

– Могли бы запросто положить всех в пол здесь, у него лютые парни, а теперь и с корочками, – Итан мягко усмехается и запрокидывает голову, утыкаясь взглядом в светлый потолок. – Последний раз мне руки заламывали лет шесть назад.

– У меня последний раз воровали тогда же.

– Я не вещь, – я улавливаю намек Кирилла, что Итан украл меня у него, и встречаю в дружескую беседу.

– Да, прости...

– И я по-прежнему хочу домой, – ловлю взгляд Кирилла, в котором вдруг отражается чистая усталость. – Я хочу разобраться в этом деле, чтобы покончить с ним. Не надо тянуть время и говорить о пустяках, вы можете мило пообщаться о своем без меня. Я здесь, чтобы получить ответы, ясные и разумные, Кирилл. Ты должен мне после всего, что сделал, я же напротив... Я могу встать и уйти, могу творить со своей жизнью, что угодно. Ты мне не указ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.